
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.722

ДУХОВНОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ 2

М. А. ПОДЛЕСНАЯ¹⁾, И. В. ИЛЬИНА²⁾

¹⁾Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
ул. Большая Андроньевская, 5, корп. 1, 109544, г. Москва, Россия

²⁾Финансово-экономический институт Тюменского государственного университета,
ул. Володарского, 6, 625003, г. Тюмень, Россия

Рассматриваются представления студенческой молодежи о духовности постсоветского человека. Изучается преемственность во взглядах советского и современного поколений. В качестве метода исследования используется массовый опрос студентов российских столичных и региональных вузов. Основным теоретико-методологическим инструментом выступает описательно-феноменологический подход, позволяющий определить содержание концепта «духовность» в понимании его носителей. Сделан вывод о том, что современная студенческая молодежь в социально-культурном плане является наследницей не только православия, но и идеологии СССР и воспринимает духовность преимущественно гуманистически, а в отдельных случаях как атавизм. Представлены трактовки духовности секулярного характера, связывающие образ духовного человека с такими качествами, как доброта, неконфликтность, осознанность, принятие себя и других. Отмечается, что советское понимание духовности как набора качеств, характеризующих духовного человека как профессионала, преданного своему делу и стране, ушло в прошлое.

Ключевые слова: постсоветский человек; российская студенческая молодежь; духовность; описательно-феноменологический подход.

Благодарность. Авторы выражают благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований, предоставившему грант № 21-011-43046 СССР на проведение исследовательской работы под руководством доктора социологических наук О. В. Аксёновой.

Образец цитирования:

Подлесная МА, Ильина ИВ. Духовность в представлениях советского и постсоветского человека. Часть 2. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:34–41.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-34-41>

For citation:

Podlesnaia MA, Ilina IV. The spirituality in the views of the Soviet and post-Soviet man. Part 2. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:34–41. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-4-34-41>

Авторы:

Мария Александровна Подлесная – кандидат социологических наук; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России.

Илона Валерьевна Ильина – старший преподаватель кафедры общей и экономической социологии.

Authors:

Mariia A. Podlesnaia, PhD (sociology); senior researcher at the Centre for the Study of Russian Regions.
yamap@yandex.ru

Ilona V. Ilina, senior lecturer at the department of general and economic sociology.
i.v.ilina@utmn.ru

THE SPIRITUALITY IN THE VIEWS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET MAN. PART 2

M. A. PODLESNAIA^a, I. V. ILINA^b

^a*Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, 5 Bol'shaya Andron'evskaya Street,
1 building, Moscow 109544, Russia*

^b*Institute of Finance and Economics, Tyumen State University,
6 Volodarsky Street, Tyumen 625003, Russia*

Corresponding author: M. A. Podlesnaia (yamap@yandex.ru)

The main objectives of this article are to consider the ideas about the spirituality of the post-Soviet person, the ideas about the spirituality of modern Russian youth (that is, that part of society that will live tomorrow), whether there is continuity in these ideas and what changes have occurred, are studied in more detail. Main methods: analysis of literature, in relation to the present – a mass survey of students of metropolitan and regional universities, in particular, data from an open question about spirituality. The main theoretical and methodological tool is a descriptive-phenomenological approach that allows you to define spirituality in the understanding of its bearers and avoid both theoretical constructions and its actual essential definitions. As a result, the authors of the article managed to come to the following conclusions: modern student youth in socio-cultural terms is the heir not only to Orthodoxy, but also to the ideology of the USSR, understanding spirituality mainly humanistically, and in some cases as an atavism, a relic; interpretations of spirituality were given not religious, but secular, linking a spiritual person with such qualities as kindness, non-conflict, awareness, acceptance of oneself and another; the understanding of spirituality and the spiritual person, characteristic of the Soviet era, as a set of qualities characterising a professional devoted to his work and country, has gone into the past.

Keywords: post-Soviet people; Russian student youth; spirituality; descriptive-phenomenological approach.

Acknowledgements. Authors express gratitude to the Russian Foundation for Basic Research, which provided grant No. 21-011-43046 USSR for conducting research under the supervision of doctor of science (sociology) O. V. Aksenova.

Введение

Во второй части статьи представлены результаты эмпирического исследования, проводившегося среди студентов российских столичных и региональных вузов. Цель работы – выяснить, как молодежь воспринимает категорию «духовность». Анализ ответов респондентов позволил определить, в каком направлении сегодня развивается понятие «духовность», какой характер оно носит (религиозный или внерелигиозный) и есть ли в современном прочтении духовности не только следы европеизации, но и отпечатки советского прошлого.

В данном контексте необходимо отметить работу Ж. Т. Тощенко «Общество травмы» [1]. Современный российский социум социолог называет обществом травмы и выделяет такие его черты, как отсутствие понимания перспектив, потеря независимости в экономике и частично в политике, дезорганизация экономической жизни, высокая степень гетерогенности общества, в том числе в социальном и культурном аспектах, превращение культуры, образования и науки в сферу услуг, моральная деформация, выражающаяся в анонии, недоверии, разного рода

отчуждении, преобладание эгоистических интересов, ориентация на потребление и материальный успех, презрение к прошлому, сомнительные стандарты толерантности, отсутствие положительных образцов и т. д. Обществом травмы Ж. Т. Тощенко считает не только Россию, но и другие страны, которые столкнулись с переформатизацией ценностей и потерей своего пути развития. Основу такого общества составляют травмируемые люди. Данный вывод можно сделать и по отношению к поколению граждан, которые жили в Советском Союзе, и по отношению к нынешней молодежи. В связи с этим стоит обратиться к размышлениям А. Ю. Левады об изменениях сознания советского и постсоветского человека, которые были зафиксированы в ходе исследований 1994 и 2003 гг. [2; 3]. Так, А. Ю. Левада делает вывод о том, что за годы либеральных реформ изменилось отношение к свободе, утратилось чувство свободы, трансформировались представления о советском периоде, причем старшее поколение склонно ностальгировать по временам СССР.

Материалы и методы исследования

В ходе массового опроса студентам российских столичных и региональных вузов предлагалось ответить на открытый вопрос: «Как вы понимаете духовность? Духовность – это...» При анализе ответов

использовался описательно-феноменологический подход, предполагающий самопрезентацию респондентов и избегающий теоретических построений исследователя и сущностных определений

духовности. Такой подход представляется наиболее релевантным в данном случае, поскольку дает возможность зафиксировать, какой смысл современные студенты вкладывают в духовность.

Авторами исследования был выбран метод анкетного опроса, так как количество ответов на открытый вопрос ($n = 1764$) позволяет снять первый срез представлений молодежи о духовности. Более глубокое изучение данной темы возможно с использованием метода фокус-групп, а также арт-методов (рисунки, скетчи, коллажи и т. д.). Отвечая на вопрос, студенты располагали достаточным временем, поэтому их суждения можно признать обдуманными и взвешенными. Анализ и систематизация результатов продемонстрировали определенную логику в ответах респондентов.

Массовый опрос проводился в рамках межуниверситетского социологического исследования «Духовно-нравственная культура российского вуза»

(руководитель проекта – заведующий кафедрой социальных наук историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета доктор экономических наук, профессор И. П. Рязанцев). Опрос проводился в 2018 г. среди студентов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Тюменского государственного университета, Самарского государственного технического университета и Севастопольского государственного университета.

Выборка исследования составила 2505 студентов светских вузов, 1764 (70 %) из них дали ответ на открытый вопрос о духовности. Опрос проводился путем онлайн-анкетирования, а также с помощью интервьюеров. Выборка котирировалась по полу, возрасту, курсу, а также по профилю обучения (естественный, технический, гуманитарный и социальный).

Результаты и их обсуждение

Следует напомнить, что свод основных ценностей современного (прежде всего западноевропейского) человека был сформулирован еще в прошлом веке (1977) в работе американского социолога, создателя социологической теории постматериализма Р. Инглхarta «Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе». Споры об актуальности теории постматериализма и ее соответствии реальности, в том числе применительно к России, не утихают до сих пор [4].

Основная идея Р. Инглхarta состоит в том, что с ростом экономического развития и удовлетворением основных базовых потребностей населения меняются и ценности людей: на смену материалистическим, связанным с гарантиями выживания и поддержкой традиционных ценностей, приходят постматериалистические, среди которых выделяется самовыражение. Вслед за этим смещаются мировоззренческие акценты, в том числе в области воспитания новых поколений: первостепенными становятся охрана окружающей среды, активное участие в экономических и политических решениях, всеобщая терпимость как основной залог жизненного успеха. По Инглхарту на задворки истории уходят такие традиционные ценности, как религиозная и национальная принадлежность, уважение к авторитету, нетерпимое отношение к разводам и абортam и т. д. Как ни странно, описанное невольно вызывает воспоминания о раннем СССР, где все перечисленное имело место и, более того, провозглашалось как идеологическая норма. Но о постматериализме в связи с этим, как известно, не было и речи. Первые годы СССР вполне представляли собой «постматериалистический андеграунд», даже

с определенной долей экономической стабильности в годы нэпа.

Изменения, о которых пишет Р. Инглхарт, присущи современной российской молодежи. Но осуществляются они весьма интересным образом [5]. С одной стороны, наблюдается универсализм ценностей молодежи (особенно это касается молодых людей, проживающих в столице и мегаполисах), с другой – сохраняется приверженность традиционным ценностям. Подобная многовекторность объясняется как уровнем экономического развития (материальная неоднородность регионов России и разница в качестве жизни центра и периферии накладывает свой отпечаток), так и гетерогенностью молодежи, жизненные шансы представителей которой неодинаковы. Последний нюанс довольно хорошо описан в статье И. А. Халий и К. В. Подъячева [6]. Проанализировав жизненные пути провинциальной молодежи, авторы пришли к следующему выводу: меры, заявленные в официальных документах молодежной политики, направлены на одаренных детей и молодежь, а «середнячки», те, у кого нет интеллектуальных и иных ресурсов, вынуждены оставаться в регионах и прозябать, получая низкие зарплаты или уходя в различного рода девиации [6].

Согласно многочисленным опросам, одной из значимых ценностей для российской молодежи является семья [7–9]. Более того, круг авторитетов ограничивается не просто родственниками, а главным образом самыми близкими из них, прежде всего родителями. Вместе с тем не стоит спешить с выводом об отсутствии или минимизации авторитетов среди молодежи. На смену традиционным авторитетам приходят новые [10], преимущественно из интернета (блогеры, фрик-персоны, пранкеры

и др.). Вопрос их влияния и значимости требует отдельного исследования.

В первые советские годы реформирование сферы семейно-брачных отношений было продиктовано кризисом традиционной патриархальной семьи, что, в свою очередь, породило сексуальную революцию, принятие декретов, раскрепощающих женщину и десакрализирующих брак. Сегодня кризис в этой сфере затрагивает как полные, так и неполные семьи, более того, не во всех странах браком является союз исключительно между мужчиной и женщиной. Таким образом, семья и брак, имеющие непосредственное отношение к духовной сфере, сегодня испытывают серьезное идеологическое и политическое влияние, меняясь в том числе в своей основной функции – деторождении. Последнее связано и с развитием медицины. Так, например, суррогатное материнство постепенно меняет представления о ценности женщины, роли матери и отца, семьи в целом. Современная молодежь сталкивается с новым, более вариативным образом семьи, хотя и хранит традиции предшествующих поколений. Именно дефицит традиционных отношений рождает серьезный запрос среди молодежи на семью, делая ее одной из значимых ценностей.

Если говорить о патриотизме как еще об одной ценности, столь значимой для советского человека, то среди студенческой молодежи наблюдается вербальное выражение лояльности к общепринятому мнению, а не деятельная установка на конкретные поступки [11]. В случае военного конфликта только третья часть респондентов готовы пойти добровольцами, каждый десятый стал бы искать работу, которая освобождает от мобилизации [12]. С течением времени, особенно на протяжении последних 15 лет, память о войне, подвигах прошлых поколений стирается и замещается текущими проблемами, часто сугубо личного характера. Каждый десятый респондент полагает, что героизм и самопожертвование участников войны чужды современной молодежи [13]. Патриотизм основывается на самоотверженности, которая проявляется в готовности человека рисковать жизнью ради блага своей страны и своего народа. Сегодня жертвенность носит неявный характер, уступая место эгоизму и ориентации на собственные выгоды [14]. Студенчеству присуще критическое отношение к Родине, и, несмотря на выражение готовности активно участвовать в преобразованиях на благо страны, на практике это проявляется слабо [15]. Для советского человека патриотизм выступал одной из основных ценностей и составлял основу внерелигиозной духовности. Для постсоветского молодого человека он значим в меньшей степени и не является безусловным.

Духовность современного человека практически не зависит от уровня образования. Несмотря на массовый характер высшего образования, его содер-

жательная ценность и качество значительно снизились. Основными образовательными мотивами для молодежи выступают желание стать компетентным работником, устроиться на интересную и высокооплачиваемую работу [16]. Сегодня образование связывается не с личностным, а с профессиональным развитием, даже, скорее, с выгодной адаптацией в современном обществе. Мало кто разделяет установку служить своей стране и людям. Также наблюдается тенденция к дискредитации образования [17], особенно высшего, что существенно отличается от советского периода, когда образование и наука являлись ценностями.

Современная молодежь не рассматривает духовность как средство борьбы с кризисом культуры или как путь приобщения к высокой культуре. Дезориентирующие ценности массовой культуры скорее отдалают от поисков духовности, чем приближают к ней. Одновременно наблюдается дефицит общественно полезной части досуга, связанной с повышением уровня личной культуры, воспитания и образования детей, реализацией творческого потенциала в альтернативных видах деятельности, укреплении здоровья [18, с. 17].

Д. А. Давыдов отмечает наличие двух модусов самореализации – коммунитарного, связанного со стремлением ко всеобщему благу и с творчеством, и индивидуалистического, который заключается в самоутверждении за счет вытеснения других [19]. Такая самореализация ведет к росту конкуренции и отчуждения, культивирует не создание семьи, воспитание детей, служение стране и народу, а достижение личного успеха и популярности. Причем современный человек стремится минимизировать затраты на эффективную адаптацию и достижение поставленной цели, в его стратегии наблюдаются пассивность и «социальное равнодушие» [20, с. 3408]. Самореализация молодежи связана с восприятием современного общества как отчуждающего его от реального Я. Она пытается преодолеть духовный вакуум общества потребления, выйти за пределы социализированного Я. В действительности это часто сводится к завоеванию плюрализма мнений, свободе самовыражения, выбору и отстаиванию собственной модели поведения. Все это становится основой для расцвета субкультурных образований (теперь представленных и в соцсетях).

Новый вид духовности означает поворот человека от традиции, воцерковления к личной субъективности, самореализации, внутреннему миру индивида, для которого главным авторитетом является он сам. Происходит переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников к человеку [21]. Данную тенденцию подтверждают результаты исследования «Россияне о духовности», проведенного фондом «Общественное мнение» в 2014 г. Выяснилось, что

почти половина (43 %) опрошенных полагают, что сейчас общество менее духовно, чем в советское время, почти половина (47 %) опрошенных не связывают духовность с верой, аргументируя это тем, что неверующий человек вполне может быть высокодуховным, четверть респондентов считают, что такого быть не может, 12 % – затруднились ответить [22].

Большинство представителей постсоветского поколения продолжают воспринимать духовность нерелигиозно, но теряют те смыслы, которые были связаны с внерелигиозной духовностью советского человека – нравственностью, образованностью, культурностью. Меняется и идеал советского человека как деятельного индивида. Во многом это связано с тем, что трансформируется и отношение к труду, который не воспринимается сегодня как безусловная ценность, более того, он прекаризируется, принимает не характерные для советского времени формы. Профессионализм перестает быть универсальным в том смысле, о котором писал Л. Н. Коган.

Чтобы продемонстрировать, как современная студенческая молодежь трактует духовность, следует обратиться к ответам респондентов. Совокупность мнений можно разделить на две условные группы. Представители одной из них воспринимают духовность положительно, представители другой – негативно или как атавизм.

Объем первой группы суждений больше, т. е. положительные мнения о духовности преобладают. Кроме того, опрос показал, что молодежь воспринимает духовность в религиозном смысле гораздо реже, чем можно было предположить. Так, респонденты отмечали, что духовность – это свойство души, не зависящее от религии, при этом признавали существование духовного мира в противовес материальному.

Ответы респондентов содержали следующие определения духовности:

- вера, набор личностных качеств, саморазвитие, самоактуализация, принятие себя и окружающего мира;
- атавизм и рудимент;
- религиозный компонент;
- морально-нравственные ценности в человеке, воспитанные обществом и культурой;
- процесс воспитания, образования и социализации;
- связь со страной и властью, патриотизм.

Среди ответов, которые трактовали духовность как веру, набор личностных качеств, саморазвитие, самоактуализацию, осознанность, принятие себя и окружающего мира, встречались следующие: *альтруизм; благовоспитанность; богатство внутри мира; быть честным перед самим собой; важная составляющая души; вера; вера в какую-либо немате-*

риальную сущность; вера в лучшее, в самого себя; вера и приверженность традициям; вера в человечество и человечность; внутреннее состояние; внутреннее личностное развитие человека в соответствии со своими целями; внутреннее стремление к реализации своих способностей без ущерба для окружающего мира; внутреннее чувство человека; внутренний мир человека и его природа; внутренний мир; взгляды на жизнь; осознанность бытия; внутренний стержень человека; внутренний устав; внутренняя красота; внутренняя эмоциональная составляющая человека, присущая тем, кто развит душой; внутренняя самонаполненность; возвышенность духа; воспитание и вера; все самое хорошее; все, что связано с нематериальной жизнью человека; высокая степень уважения к людям и миру; высшая интеллектуальная деятельность; гармония; добродетель; доброта и понимание; восходит к понятию «религия» и связана с внутренним миром человека; душевность; качество человека, определяющее его способность к пониманию прекрасного; нравственная чистота; здоровый ум и миролюбивость; творчество и чувства; чистая душа; осознание реальности; умение воспринимать себя таким, какой ты есть¹; жизнь; любовь; открытость к окружающим; умение сопереживать; осознание, понимание, принятие, развитие; совесть; желание помогать другим не во благо себе; праведный образ жизни и др. Респонденты связывали духовность с внутренним миром человека, обладающим лучшими качествами – добротой, любовью, миролюбивостью, самопожертвованием. При этом в отдельных случаях подчеркивалось, что духовность – это вера в себя и в других людей, а ее критериями выступают осознанность человека, принятие себя и окружающего мира. В этом же контексте говорилось о духовности как об определенной аскетике, в частности отмечалось, что духовность – это *контроль над собой, отказ от подчинения своим желаниям.*

В некоторых высказываниях духовность определялась как атавизм и рудимент. При этом нельзя утверждать, что студенты, которые высказали такое мнение, не разделяют позиции, согласно которой духовность – это вера, набор личностных качеств и саморазвитие. Возможно, они разделяют ее, но не связывают со словом «духовность». Данное предположение требует дополнительного анализа. Встречались такие трактовки духовности: *бегство от реальности; попытка решить проблемы с помощью церкви; бегство от своих слабостей; нематериальные «понты» и суррогат совести; слово, которым люди оправдывают недостаток ума и логики; способ меряться «понтами»; опора для слабых; атавизм; способность находить смысл там, где его нет; стереотип; вера в стерильные истины; заблуждение; пропагандистское клише; то, к чему я не готов и др.* Таких высказываний было достаточно, чтобы

¹Характерно, что данная позиция во многом перекликается с западными европейскими ценностями.

сделать вывод о том, что среди студентов есть те, для кого понятие «духовность» лишено смысла. Для них это социальный конструкт, позволяющий иметь преимущества перед другими и оправдывать свои действия. Интересна привязка духовности к дихотомии «сильный – слабый». Так, по мнению студентов, духовность характеризует слабую личность. Приверженность научному знанию олицетворяет высказывание одного из студентов регионального вуза, о том что духовность – это *верить в то, что JS станет настоящим языком программирования*.

В ряде суждений духовность рассматривалась как религиозная практика, связанная с церковными институтами и догматами. К таким высказываниям относят следующие: *бесконечное отношение человека к другим людям и жизнь по Божьим заповедям; Бог; быть с Богом; вера в религию; вера в Бога; соблюдение канонов, предписанных выбранной религией и др.* Встречалось и сугубо аскетичное понимание духовности в религиозном ключе: *образ жизни на основании строгой системы внутренних моральных ценностей, в соответствии с религиозными догмами*. Часть студентов связывают духовность с религией, но таких не большинство даже в сравнении с теми, кто считает, что духовность – атавизм для современного общества. Скорее всего, среди студенческой молодежи доминирует позиция, согласно которой духовность возможна и без церковных институтов и религиозных практик.

Еще одна часть мнений содержит восприятие духовности как морально-нравственных ценностей в человеке, воспитанных обществом и культурой: *верное осознание окружающей действительности через песни, стихи и культуру; высокая нравственная культура; высокие моральные устои; высокие моральные ценности; высшая духовная культура, нравственность и интеллект; культура; нравственная культу-*

ра; система ценностей человека; заменитель морали для не имеющих ее; моральные и духовные традиции; приверженность традициям и устоям и др. Данные высказывания отличает то, что они не связывают духовность ни с религией, ни с верой в Бога, ни с внутренней работой индивида, а трактуют ее как результат влияния общественных институтов, в частности культуры. Взгляды данной группы респондентов близки к советским представлениям о духовности.

Некоторые студенты отметили, что для них духовность – это процесс воспитания, образования и социализации. Были высказаны такие мнения: *воспитание, полученное с раннего детства в семье; просвещение; образованность; то, чему нас учат с детства (искусство, культура, манеры), но со временем понимаешь, что у всего есть две стороны и др.* Как можно заметить, в последнем суждении высказывается сомнение в том, действительно ли духовность приносит человеку пользу.

Учащиеся столичных вузов (особенно Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова) склонны считать духовностью патриотизм, связь со страной и властью. Студенты отмечали следующее: *вера в Путина; любовь к России и Путину; православные скрепы*. В одной анкете встретилась мысль о том, что духовность – *вера, царь и Отечество*. Здесь присутствует явная отсылка к знаменитой формуле С. С. Уварова: «православие, самодержавие, народность». Правда, в указанном суждении присутствует вольная трактовка, которая представляется неслучайной: не конкретизируется, какая именно вера, понятие «народность» заменено понятием «Отечество». Можно предположить, что данное мнение подчеркивает историческую давность политического проекта «духовность», претерпевая изменения в нынешних условиях.

Заключение

В разные исторические периоды население СССР было неоднородным в идеологическом плане. Соответственно, духовность трактовалась по-разному. Идеи времен раннего СССР имели определенную схожесть с основными принципами постматериализма, предложенными Р. Инглхартом в конце XX в., что свидетельствует о том, что советский проект во многом был прогрессивным (прежде всего по западным меркам) и идеологически европейским. К 1930-м гг., особенно в эпоху правления И. В. Сталина, ситуация изменилась. Это было связано не только с мировоззренческими особенностями самого вождя, но и с тем, как общество ассимилировало и «переварило» идеи первых большевиков и коммунистов, оставив в сухом остатке только то, что было по-настоящему важно и не противоречило ценностному ядру собственной культуры.

Преемственность взглядов на духовность, присущих современному человеку, в частности студентам, с представлениями советского общества выражается прежде всего в схожести высших нравственных ценностей, патриотизме. Духовность в меньшей степени связана с образованием и культурой по той причине, что изменилось содержание культуры, а также принципы образования. У молодых людей наблюдаются нигилистические настроения, они называют духовность рудиментом. Обращает на себя внимание то, что в СССР именно религиозная духовность считалась рудиментом, пережитком, но как таковая духовность не отрицалась, более того, в культурном и образовательном смыслах она была своеобразным культом. Секулярная духовность, вписываемая в марксистско-ленинскую идеологию, не только не порицалась, но и была

частью коммунистического общества, воспитывая нового советского человека. Для современного индивида характерны такие смыслы секулярной духовности, как возможности человека, вера в науку, а также в самого себя.

Примечательно и то, что довольно мало нынешних студентов связывают духовность с Богом. Для них духовность выступает объектом социальных институтов – религиозных, образовательных, культурных. Для студенческой молодежи духовный человек – это прежде всего воспитанный человек, обладающий положительными качествами, чаще всего добротой,

принятием себя и других. В ответах респондентов нет формулировок «профессионал», «активный гражданин своей страны», «верный сын своего Отечества». Из проанализированного можно предположить, что со времен СССР требования к духовности значительно снизились. Сегодня, чтобы считаться духовным, достаточно быть неконфликтным, воспитанным человеком. В этом заключается гуманизация духовной сферы в стиле нью-эйдж, которая со времен СССР может быть не только вне религии и Бога, но и вне национальных интересов и государственных границ, как единство и гармония со всем миром.

Библиографические ссылки

1. Тощенко ЖТ. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Вест мир; 2020. 352 с.
2. Левада ЮА. «Человек советский»: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2003;1:8–16.
3. Голов АА, Гражданкин АИ, Гудков ЛД, Дубин БВ, Зоркая НА, Левада ЮА и др. *Советский простой человек: опыт социологического портрета на рубеже 90-х*. Левада ЮА, редактор. Москва: Мировой океан; 1993. 300 с.
4. Давыдов ДА. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей? *Социологические исследования*. 2021;12:78–90. DOI: 10.31857/S013216250016429-4.
5. Подлесная МА, Соловьёва ГВ, Ильина ИВ. Историческая память: школьники и студенты об истории России. *Вестник Института социологии*. 2021;37:55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
6. Халий ИА, Подъячев КВ. Молодёжная политика как фактор социального развития: концептуальные противоречия. В: Зубок ЮА, Чупров ВИ, Сорокин ОВ, Кублицкая ЕА, Лютенко ИВ, Сивоплясова СЮ и др. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики*. Белгород: Эпицентр; 2021. с. 464–495.
7. Горшков МК, Шереги ФЭ. *Молодежь России: социологический портрет*. Москва: ЦСПиМ; 2010. 592 с.
8. Зубок ЮА, Чупров ВИ, Сорокин ОВ, Кублицкая ЕА, Лютенко ИВ, Сивоплясова СЮ и др. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики*. Белгород: Эпицентр; 2021. 500 с.
9. Лурье СВ. Сходство и различие мировоззрения юных и молодых: динамика установок по отношению к семье, межэтническим бракам, русской национальной самоидентификации. *Сибирский антропологический журнал*. 2021;5(2): 53–63. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-53-63.
10. Подлесная МА. Авторитет в сетевом обществе и представления о нем российской молодежи. *Проблемы национальной стратегии*. 2022;3(72):47–70. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_47.
11. Широкалова ГС. Историческая память и патриотизм повседневности. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018;10(3/2):161–174. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174.
12. Грошев ИЛ, Грошева ИА, Грошева ЛИ. Патриотизм в оценках тюменской молодежи. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 1189–1198. DOI: 10.19181/kongress.2020.148.
13. Мансуров ВА, Вишневский ЮР, Гушин ОВ, Нархов ДЮ, Пономарев АВ, Ружа ВА и др. *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне*. Вишневский ЮР, редактор. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2015. с. 98–105.
14. Панова АМ, Мухтаруллина ММ, Давыдова ЮА, Денисенкова НН. Патриотизм через призму ценностных ориентаций современной российской молодежи. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 580–588. DOI: 10.19181/kongress.2020.71.
15. Подлесная МА, Богдан ИВ. Православная идентичность и патриотизм российских студентов светских и духовных вузов. *Проблемы национальной стратегии*. 2021;4(67):181–200. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_4_181.
16. Константиновский ДЛ, Попова ЕС. Отношение молодежи к образованию в современной России. *Общественные науки и современность*. 2016;1:5–19.
17. Константиновский ДЛ, Попова ЕС. Среднее vs высшее. *Мир России*. 2020;29(2):6–26. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
18. Карачаровский ВВ, Шкаратан ОИ. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению. *Мир России*. 2017;26(2):6–37.
19. Давыдов ДА. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2018;18(3):86–102. DOI: 10.17506/gurp.2016.18.3.86102.
20. Гугова СГ, Целищева ЗА, Бабкова ОМ. Культура молодежи: в поисках духовных оснований. В: Иванова ЕЮ, редактор. *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; 14–16 октября 2020 г.; Тюмень, Россия*. Москва: Российское общество социологов; 2020. с. 3403–3412. DOI: 10.19181/kongress.2020.405.
21. Руткевич ЕД. От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014;1:5–25.
22. Филиппов ВМ, Пузанова ЖВ. Патриотизм как национальная идея в контексте духовно-нравственного развития современной молодежи. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2016;12:11–13.

References

1. Toshchenko ZhT. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis)]. Moscow: Ves' mir; 2020. 352 p. Russian.
2. Levada YuA. «Homo Sovieticus»: the fourth wave. Time of changes in public opinion view. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2003;1:8–16. Russian.
3. Golov AA, Grazhdankin AI, Gudkov LD, Dubin BV, Zorkaya NA, Levada YuA, et al. *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsiologicheskogo portreta na rubezhe 90-kh* [The Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Levada YuA, editor. Moscow: Mirovoi okean; 1993. 300 p. Russian.
4. Davydov DA. The value foundations of post-capitalism: from the «mode of having» to the individualism of self-actualising personalities? *Sociological Studies*. 2021;12:78–90. Russian. DOI: 10.31857/S013216250016429-4.
5. Podlesnaia MA, Solovyova GV, Ilina IV. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2021;37:55–82. Russian. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711.
6. Khalii IA, Pod'yachev KV. [Youth policy as a factor of social development: conceptual contradictions]. In: Zubok YuA, Chuprov VI, Sorokin OV, Kublitskaya EA, Lyutenko IV, Sivoplyasova SYu, et al. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki* [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices]. Belgorod: Epitsentr; 2021. p. 464–495. Russian.
7. Gorshkov MK, Sheregi FE. *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: sociological portrait]. Moscow: TsSPiM; 2010. 592 p. Russian.
8. Zubok YuA, Chuprov VI, Sorokin OV, Kublitskaya EA, Lyutenko IV, Sivoplyasova SYu, et al. *Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki* [Self-regulation of youth's life activity: methodology and social practices]. Belgorod: Epitsentr; 2021. 500 p. Russian.
9. Lourié SV. The similarity and difference in the worldview of youths and older young men. The dynamics of sets towards the family, interethnic marriages, Russian national self-identification. *Siberian Journal of Anthropology*. 2021;5(2): 53–63. Russian. DOI: 10.31804/2542-1816-2021-5-2-53-63.
10. Podlesnaia MA. Authority in network society from the perspective of Russian youth. *National Strategy Issues*. 2022;3(72):47–70. Russian. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_3_47.
11. Shirokalova GS. Historical memory and patriotism of everyday life. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018; 10(3/2):161–174. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/2-161-174.
12. Groshev IL, Grosheva IA, Grosheva LI. Patriotism in evaluations of tyumen youth. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 1189–1198. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.148.
13. Mansurov VA, Vishnevskii YuR, Gushchin OV, Narkhov DYu, Ponomarev AV, Ruzha VA, et al. *Voina byla pozavchera... Rossiiskoe studenchestvo o Velikoi Otechestvennoi voine* [The war was yesterday... Russian students about the Great Patriotic War]. Vishnevskii YuR, editor. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2015. p. 98–105. Russian.
14. Panova AM, Mukhtarullina MM, Davydova YuA, Denisenkova NN. Patriotism through the prism of valuable orientations of the modern russian youth. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 580–588. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.71.
15. Podlesnaya MA, Bogdan IV. Orthodox identity and patriotism of Russian students of secular and spiritual universities. *National Strategy Issues*. 2021;4(67):181–200. Russian. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_4_181.
16. Konstantinovskii DL, Popova ES. The intention of young people to higher education as an important resource of innovative development of Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. 2016;1:5–19. Russian.
17. Konstantinovskii DL, Popova ES. Secondary vs higher. *Universe of Russia*. 2020;29(2):6–26. Russian. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26.
18. Karacharovskii VV, Shkaratan OI. The shadow price of social change and its evaluation. *Universe of Russia*. 2017;26(2): 6–37. Russian.
19. Davydov DA. Ronald Inghart's concept of post-materialism in critical perspective. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2018;18(3):86–102. Russian. DOI: 10.17506/ryipl.2016.18.3.86102.
20. Gutova SG, Tselishcheva ZA, Babkova OM. Culture of youth: in search of spiritual bases. In: Ivanova EYu, editor. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik dokladov VI Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa; 14–16 oktyabrya 2020 g.; Tyumen', Rossiya* [Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the 6th All-Russian sociological congress; 2020 October 14–16; Tyumen, Russia]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov; 2020. p. 3403–3412. Russian. DOI: 10.19181/kongress.2020.405.
21. Rutkevich ED. From «religiosity» to «spirituality»: the European context. *RUDN Journal of Sociology*. 2014;1:15–25. Russian.
22. Filippov VM, Puzanova ZhV. Patriotism as the national idea in the context of spiritual and moral development of the modern youth. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2016;12:11–13. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.09.2022.
Received by editorial board 11.09.2022.